

СССР и первые руководители КПВ

© 2014

Е. Кобелев

С началом реализации во Вьетнаме «политики обновления» (1986) и особенно за последние 10 лет в историографии этой страны начался активный процесс «очеловечивания» основных этапов новой и новейшей истории страны. Выходят монографические исследования, посвященные изучению и осмыслению деятельности конкретных творцов и участников новой и новейшей истории Вьетнама. Статья посвящена судьбам героических участников вьетнамского национально-освободительного движения — Ле Хонг Фонгу и Нгуен Тхи Минь Кхай, жизнь которых оказалась неразрывно связанной с нашей страной.

Ключевые слова: Вьетнам, Россия, Москва, Коминтерн, КПВ, Сайгон, «восстание Намки».

Среди многочисленных публикаций по тематике новейшей истории Вьетнама особенно выделяется солидное монографическое исследование, подготовленное коллективом известных вьетнамских историков — «Ле Хонг Фонг, нестигаемый боец международного коммунистического движения, выдающийся руководитель нашей Партии» (Ханой. 900 с.). В книге подробно, с использованием малоизвестных архивных данных и воспоминаний, часть из которых вводится в научный оборот впервые, рассказывается о Ле Хонг Фонге, который был одним из первых генсеков партии, а также о его жене и боевой подруге Нгуен Тхи Минь Кхай, которая была одним из руководителей сайгонской парторганизации. Причем особенно важно, что впервые авторы исследования акцентировали внимание на тех годах жизни и деятельности двух руководящих деятелей вьетнамской партии, которые они провели в Москве и России, показали роль нашей страны в их становлении как выдающихся деятелей международного и вьетнамского национально-освободительного движения.

Ле Хонг Фонг и Нгуен Тхи Минь Кхай — фигуры насколько героические, настолько и трагические. Они вступили в активную борьбу с колониализмом в конце 1920-х — начале 1930-х гг., в период создания компартии Вьетнама (Индокитай), под руководством которой борьба вьетнамских революционеров приобрела решительный, истинно самоотверженный характер. Естественно, реакция колонизаторов на это была жестокой. Их гильотины, тюрьмы и концлагеря работали бесперебойно. Партия потеряла десятки тысяч своих пламенных борцов, прежде чем в августе 1945 г. была обретена независимость их Родины.

Впоследствии вождь вьетнамской революции Хо Ши Мин писал: «Товарищи Чан Фу, Нго Зя Ты, Ле Хонг Фонг, Нгуен Тхи Минь Кхай, Ха Хюи Тап, Нгуен Ван Кы, Хоанг Ван Тху и сотни тысяч других товарищей поставили интересы Партии, революции, рабочего класса, нации превыше всего, впереди всего. Эти товарищи беззаветно верили в великие силы и славное будущее класса и нации... Они своей горячей кровью

Кобелев Евгений Васильевич, кандидат исторических наук, заместитель руководителя Центра изучения Вьетнама и АСЕАН Института Дальнего Востока РАН. Тел.: 8 (499) 124-08-33.

оросили древо революции, которое расцвело пышным цветом, и сегодня мы видим прекрасные результаты нашей революции».

Красный ветер

Ле Хонг Фонг родился в 1902 г. в уезде Хынгнгуен провинции Нгеан (Центральный Вьетнам) в бедной крестьянской семье. Его настоящее имя — Ле Хюи Зоан, а Ле Хонг Фонг — это его партийное имя, которое в переводе на русский язык означает Красный ветер. В детстве он учился в сельской школе, вначале изучал под руководством местного *pho si* — конфуцианца китайские иероглифы, а потом закончил начальную школу на «куокнгы» — латинизированной вьетнамской письменности.

В 1920 г. после смерти отца, чтобы прокормить больную мать и младших детей, он уехал в центр провинции город Винь искать работу. Это было время, когда захолустный в прошлом Винь на глазах становился главным торгово-экономическим центром всего Центрального Вьетнама. Вначале юноша устроился работником в торговой фирме одного хуацяо, а затем стал работать на спичечной фабрике Бентхюи.

На фабрике он сдружился с другим рабочим, которого звали Фам Хонг Тхай. В 1923 г. они вместе приняли активное участие в забастовке рабочих фабрики и за это были ее хозяином уволены с «волчьим билетом».

Это были годы, когда широко известный в патриотических кругах Вьетнама революционер-демократ Фан Бой Тяу¹ проводил кампанию «Донгзу» (На Восток), целью которой было способствовать выезду молодых вьетнамских патриотов прежде всего в Японию, а также в Китай и другие страны, чтобы готовить из них кадры для будущей национально-освободительной революции. В январе 1924 г. под руководством зятя Фан Бой Тяу Выонг Тхук Оаня 15 юношей из провинции Нгеан, в их числе и два друга, оставшиеся после увольнения без средств к существованию, преодолели горные перевалы хребта Чьонгшон и, пешком пройдя через весь Лаос, прибыли на горный северо-восток Таиланда.

Однажды, поднявшись на вершину высокой горы, Ле Хонг Фонг и Фам Хонг Тхай, подобно Герцену с Огаревым, дали друг другу клятву всю свою жизнь посвятить делу освобождения родины от колониального гнета: «Пока не зажжем свет над горами и реками, клянемся не возвращаться на Родину, к родным очагам!»².

Два друга не стали добираться до Японии, а обосновались неподалеку от своей родины — в Кантоне (Гуанчжоу). В Южном Китае сложились к этому времени благоприятные условия для деятельности вьетнамских эмигрантов — революционеров. Вьетнамцы работали в различных учреждениях Кантонского правительства, возглавляемого Сунь Ятсеном, служили в ее Народно-революционной армии, учились в военно-политической академии Вампу.

Всего несколько месяцев жизни в бурном, кипящем, как котел, революционном Кантоне привели двух друзей к выводу, что им не по пути с «Обществом возрождения Вьетнама» Фан Бой Тяу. Они жаждали участия в конкретных боевых действиях против колонизаторов. Общество же в основном состояло из конфуцианцев преклонного возраста, которые лишь клеймили колонизаторов красивым слогом на коллективных встречах.

В результате по инициативе двух друзей на свет появилась принципиально новая, боевая организация «Там там ха» — «Союз сердец». Главным направлением в ее деятельности стал индивидуальный террор, убийство высокопоставленных деятелей французского колониального режима. Летом 1924 г. Фам Хонг Тхай совершил покушение на генерал-губернатора Индокитая Мерлэна, находившегося с визитом в Шамяни — месте расположения в Кантоне кантонской резиденции консульств европейских держав. В результате взрыва брошенной им бомбы погибло несколько офицеров из свиты Мерлэна, сам же генерал-губернатор остался жив. Спасаясь от преследования полиции, Фам Хонг

Тхай бросился с моста в реку, но не смог доплыть до берега и погиб. (В истории вьетнамского национально-освободительного движения он остался одним из первых героев-мучеников будущей вьетнамской революции. — *Е.К.*).

Фан Бой Тяу был близко знаком с Сунь Ятсеном и уговорил его принять первых молодых вьетнамских патриотов, прибывших из Сиам в Кантон, в военную школу Вампу, в их числе и Ле Хонг Фонга. В школе Вампу в этот период уже преподавали советские военные, среди которых выделялся будущий маршал СССР В.К. Блюхер. Ле Хонг Фонга как самого здорового физически приняли на 9-месячные курсы в летную школу Вампу.

После их окончания правительство Сунь Ятсена предложило представителю СССР и Коминтерна в Кантоне М.М. Бородину направить способного вьетнамского юношу в СССР для профессионального овладения летным делом. В октябре 1926 г. Ле Хонг Фонг прибыл в страну, о которой грезил тогда тысячи вьетнамских патриотов, и был зачислен в военно-теоретическую школу воздушных сил в Ленинграде, где проучился до декабря 1927 г.

В сентябре 1928 г. в авиационном училище города Борисоглебска появился невысокий, подтянутый юноша. Михаил Литвинов — представился он курсантам. Те удивлялись: фамилия русская, а по виду вроде бы из Азии товарищ. Самые настойчивые пытались дознаться, откуда он родом, чем занимаются его родители. Но новенький только отшучивался и переводил разговор на другое. Одного он не скрывал — что страстно любит авиацию, мечтает стать воздушным асом и что в Борисоглебск он прибыл из Ленинграда, где уже учился в военно-теоретической школе воздушных сил.

Прошло несколько месяцев напряженных занятий и тренировочных полетов, и вдруг Литвинов так же неожиданно исчез, как и появился. Курсантам сказали, что он откомандирован в другое училище. Никто из них так и не узнал тогда, что их азиатский товарищ — это вьетнамский революционер Ле Хонг Фонг.

Еще долгое время после внезапного отъезда Ле Хонг Фонга в музей Борисоглебского училища можно было обнаружить его фото на почетной доске бывших курсантов. Хотя до освобождения Вьетнама было еще очень далеко, а до создания вьетнамских военно-воздушных сил еще дальше, Ле Хонг Фонга фактически можно считать первым вьетнамским летчиком, предтечей тысяч вьетнамских асов, которые в 1965–1973 гг. на советских МИГах героически защищали небо Вьетнама от воздушных атак самой мощной державы мира.

...Из Борисоглебска в Москву Ле Хонг Фонг был отозван по инициативе Исполкома Коминтерна и сразу же был зачислен в Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ).

Первым проторил дорогу в это политическое учебное заведение, которое готовило партийные и революционные кадры для колониальных и полуколониальных стран Азии и Африки, Нгуен Ай Куок (будущий Хо Ши Мин), который в июне 1923 г. одним из первых вьетнамцев прибыл в Советскую Россию и окончил краткосрочные курсы в этом университете. Благодаря ему, начиная с 1924 г. КУТВ стал принимать на учебу вьетнамских революционеров, которые прибывали в Москву по двум основным каналам: из Франции — по рекомендации ФКП и из Южного Китая — по рекомендации Нгуен Ай Куока.

Четыре года провел Литвинов в стенах университета. Здесь он овладевал теорией научного коммунизма, здесь произошло его становление как убежденного марксиста-ленинца. Ле Хонг Фонг изучал марксистскую науку сквозь призму событий в Индокитае. Размышлениями о возможных путях развития вьетнамской революции полны его рабочие тетради того времени. Уже тогда Ле Хонг Фонг пришел к твердому убеждению, что победа вьетнамской революции и изгнание из страны колонизаторов возможны лишь на основе создания широкого общенационального фронта³.

В тот период в КУТВе уже собралась довольно большая группа слушателей из колониального Вьетнама. Все они, естественно, учились в группе французского языка и только Литвинов, который к тому времени уже практически свободно владел русским языком, был зачислен в группу русского языка. Но все вьетнамские слушатели независимо от группы подчинялись сектору Индокитая Исполкома Коминтерна (ИККИ), который возглавляла старейшая деятельница Коминтерна В.Я. Васильева.

В 1929 г. в жизни Ле Хонг Фонга произошло очень важное для него событие: его приняли в члены ВКП(б). В своих рекомендациях советские слушатели КУТВа Струль С.В., Пирумова А.Б. и другие отзывались о нем, как о «вдумчивом, серьезном, выдержанном товарище, достойном носить звание члена ВКП(б)»⁴. Собрание партячейки слушателей единогласно проголосовало за прием Ле Хонг Фонга в ряды ВКП(б).

По инициативе В.Я. Васильевой в Восточном отделе ИККИ в конце 1920-х гг. взяли курс на подготовку наиболее способных вьетнамских слушателей КУТВа для последующей их отправки в Индокитай в целях укрепления рядов национально-освободительного движения и подготовки условий для создания там коммунистической партии.

В этих условиях на первый план, естественно, выдвинулся Ле Хонг Фонг как самый способный и практически свободно знающий русский язык, и поэтому, когда в середине 1928 г. в Москве собрался VI Конгресс Коминтерна, он был приглашен для участия в работе Конгресса в качестве наблюдателя⁵. Более того, ему было доверено руководство группой вьетнамцев-коминтерновцев, которая оперативно перевела на вьетнамский язык документы Коминтерна и несколько наиболее актуальных для вьетнамского освободительного движения произведений, в их числе «Детскую болезнь «левизны» в коммунизме» В.И.Ленина и «АВС коммунизма» Н.И. Бухарина и Е.А. Преображенского. Все эти документы и книги затем издавались на вьетнамском языке во Франции, Германии, Чехословакии и тайно вывозились во Вьетнам⁶.

В 1930 г. после окончания КУТВа Ле Хонг Фонг был зачислен в аспирантуру, однако защитить диссертацию ему не довелось. Во Вьетнаме резко обострилась обстановка. В октябре 1930 г. в двух провинциях Центрального Вьетнама — Нгеан и Хатинь начались массовые выступления крестьянства против колониальных порядков. Руководила ими созданная 3 февраля 1930 г. под руководством Нгуен Ай Куока (Хо Ши Мина) Коммунистическая партия Вьетнама⁷. В 116 деревнях обеих провинций были созданы по примеру России Советы — первые во Вьетнаме органы народно-революционной власти. Нгетиньские Советы, как их называли в народе, были в течение почти года, пока их не подавили колонизаторы, островками свободы и независимости в колониальном Индокитае.

«Хотя движение Нгетиньских Советов было потоплено в крови, — отмечал впоследствии Хо Ши Мин, — оно навсегда останется свидетельством героизма и боеспособности трудящихся масс Вьетнама; оно способствовало рождению сил, которые впоследствии совершили Августовскую революцию»⁸.

Сразу же после подавления восстания по всему Вьетнаму начал свирепствовать полицейский террор. Многие организации недавно созданной КПИК были разгромлены. Между продолжавшими функционировать подпольными центрами не было связи. В этих условиях ИККИ принимает решение направить Ле Хонг Фонга в Южный Китай для восстановления связей с действующими организациями КПИК.

В июне 1932 г. в организациях КПИК в Южном Китае, а затем и в самом Вьетнаме появляется подготовленная в Москве при участии Ле Хонг Фонга, Чан Ван Зяу⁹ и других вьетнамцев-коминтерновцев «Программа действий КПИК». Вьетнамские историки считают, что этот документ был «Программой — минимум» нашей Партии в новых условиях, и что «Ле Хонг Фонг внес огромный вклад в принятие, распространение и реализацию «Программы действий Партии»¹⁰.

В марте 1934 г. Ле Хонг Фонг приезжает в португальскую колонию Макао (Южный Китай), где создает Заграничный руководящий комитет КПИК, а затем налаживает

подпольное издание газеты «Большевик». В июне этого же года он созывает конференцию с участием членов Загранкомитета и представителей парторганизаций, тайно прибывших из Вьетнама, и руководит ее работой.

В это время из Москвы приходит сообщение, что вскоре состоится очередной конгресс Коминтерна, для участия в котором необходимо направить представительную делегацию КПИК. Загранкомитет поручает Ле Хонг Фонгу сформировать делегацию и возглавить ее.

Уже когда делегация находилась в Москве, 27–31 марта 1935 г. в Макао состоялся I съезд КПИК, который избрал Ле Хонг Фонга генеральным секретарем партии.

Делегация КПИК на VII Конгресс Коминтерна была сформирована в следующем составе: руководитель Ле Хонг Фонг и два члена делегации — юная Нгуен Тхи Минь Кхай, темнокожая, как крестьянка, с широкими, как будто постоянно раскрытыми от радостного удивления глазами, и мало кому знакомый тогда юноша по имени Хоанг Ван Нон — посланец самой северной вьетнамской провинции Каобанг, где со дня создания КПИК возникла довольно сильная партийная организация, имевшая свою опорную базу в сельских районах.

Через несколько месяцев Ле Хонг Фонг снова в Москве как делегат VII Конгресса Коминтерна от Компартии Индокитая. Второй приезд в Москву стал для него радостным вдвойне — Нгуен Тхи Минь Кхай стала там его женой.

Нгуен Тхи Минь Кхай (1913–1941) родилась, как и Ле Хонг Фонг, в провинции Нгеан, в городе Винь. В 1927 г. в возрасте 14 лет впервые приняла участие в протестных акциях рабочих города Виня. Вступила в КПИК сразу же после ее создания, отвечала за агитацию среди рабочих завода в прибрежном районе Виня Бентхюи. Вскоре по решению руководства партии ее направили в Гонконг для работы в представительстве Восточного отдела Исполкома Коминтерна, где ее наставником и руководителем стал Нгуен Ай Куок.

29 апреля 1931 г. она должна была встретиться на явочной квартире по улице Цзюлун с только что прибывшим из Советского Союза после окончания КУТВа членом КПИК Ле Хюи Боном. Однако ранним утром этого дня английская полиция окружила дом, где находилась явка КПИК. По приставной лестнице полицейские незаметно проникли через окно в квартиру и захватили Ле Хюи Бона спящим. В 9 часов утра в полицейский капкан угодил еще один посланник из Москвы Хо Тунг Мау. Минь Кхай, ни о чем не подозревая, поднялась в дом, где ее встретили два агента полиции в штатском. Так как Минь Кхай хорошо знала гуандунский диалект, она спокойно им ответила: «Я китайка».

Никаких улик при ней агенты не обнаружили, тем не менее препроводили ее в тюрьму. Из тюрьмы она сумела передать письмо Нгуен Ай Куоку: «Ни пытки, ни кандалы не заставят меня ни в чем признаться. Братья, будьте спокойны за меня»¹¹. Она не знала, дошло ли ее письмо до Нгуен Ай Куока, как вдруг получила с воли печальную весть о том, что 6 июня 1931 г. ее старший наставник также был схвачен английской полицией.

Три года провела Минь Кхай в гонконгской тюрьме, полностью отрезанная от друзей по партии и партийных дел. Наконец в ее судьбу, как до этого произошло и с Нгуен Ай Куоком, вмешалось Международное общество помощи борцам революции (МОПР), и она обрела свободу. Но что делать дальше, как восстановить связь со своими товарищами?

В Шанхае она подрядилась в пошивочную мастерскую и с утра до вечера сидела на тротуаре, лагая порванную одежду и внимательно следя за прохожими, не появится ли кто-нибудь из знакомых. Так прошло два месяца. Иногда она не выдерживала и проходила мимо советского консульства, на здании которого всегда развевался красный флаг с серпом и молотом. Наконец в один из дней произошло то, о чем она грезилась во сне и наяву — неожиданно из толпы прохожих к ней подошел незнакомец и бросил на ходу: «Идите за мной, Вас ждут».

И вот долгожданная встреча со своими товарищами, на которой она неожиданно для себя узнает, что включена в состав делегации КПИК, которую возглавит Ле Хонг Фонг, для участия в VII Конгрессе Коминтерна в Москве.

Ле Хонг Фонг на первой же встрече ознакомил ее с планом, как они будут добираться до Москвы. На рейде шанхайского порта их должен ждать советский пароход. Минь Кхай вместе с Ноном на нанятой китайской джонке самостоятельно добираются до парохода. Сам же Ле Хонг Фонг прибудет туда позже.

Впоследствии Хоанг Ван Нон, который единственный из них троих дожил до победы революции во Вьетнаме, писал в своих мемуарах, с какими приключениями они добирались до советского парохода. Над рейдом стоял густой туман, хозяин джонки потерял направление, и они подплыли прямо к борту судна с... французским триколором. Только после целого часа блужданий среди пароходов из разных стран они наконец радостно вскрикнули, увидев прямо по курсу долгожданный красный флаг с серпом и молотом. Но приключения на этом не закончились. Они не знали русского языка, а встречавшие их советские офицеры и матросы, естественно, не знали французского. Только на следующий день, когда по трапу парохода поднялся Ле Хонг Фонг, все встало на свои места.

Через несколько дней их делегацию торжественно встречали в порту Владивостока. Затем — железнодорожный вокзал и 12 суток на поезде до Москвы. Кстати, таким путем добирались до Москвы десятки вьетнамских революционеров, из них особенно часто-будущий Хо Ши Мин.

19 мая 2009 г. на здании железнодорожного вокзала Владивостока, по инициативе местного филиала Общества российско-вьетнамской дружбы, была установлена Мемориальная доска следующего содержания:

«В 1924, 1927 и 1934 годах город Владивосток неоднократно посещал Хо Ши Мин, выдающийся деятель международного национально-освободительного движения, герой-освободитель вьетнамского народа, признанный ЮНЕСКО известный деятель культуры, заложивший прочную основу российско-вьетнамской дружбы».

Почти месяц Ле Хонг Фонг и Нгуен Тхи Минь Кхай провели вместе — вначале на пароходе, затем в одном купе поезда. И произошло то, что не могло не произойти — они полюбили друг друга. Через несколько месяцев после завершения Конгресса Коминтерна вьетнамская диаспора в Москве стала свидетелем волнующего события — первой в истории Вьетнама «коммунистической свадьбы».

По мнению некоторых вьетнамских историков, Ле Хонг Фонг и Нгуен Тхи Минь Кхай якобы заключили брак, еще находясь в Китае. Вместе с тем в 1970-х гг. автор этих строк, собирая материалы к книге «Хо Ши Мин» в серии «Жизнь замечательных людей» (ЖЗЛ), неоднократно встречался с Н.Н. Голеновским — бывшим сотрудником Исполкома Коминтерна, ответственным за партийцев из стран Юго-Восточной Азии. Он утверждал, что хорошо помнит, как в одном из районных московских ЗАГСов в скромной обстановке, в присутствии только нескольких близких друзей, был официально зарегистрирован брак молодых вьетнамских революционеров, и может быть, и по сей день в архиве этого ЗАГСа хранятся документы об этом неординарном бракосочетании.

VII Конгресс Коминтерна открылся 25 июля 1935 г. в Колонном зале Дома союзов. На нем присутствовало 513 делегатов от 65 коммунистических партий и международных организаций. Деятельность КПИК фактически с первого дня работы конгресса получила высокую оценку его участников, так как ее представитель Ле Хонг Фонг (он значился в документах конгресса под именем Хайян) был единодушно избран в состав президиума конгресса.

В ходе девятого по счету пленарного заседания 29 июля он выступил с развернутым докладом «Борьба КПИК, прежде всего движение Нгетиньских Советов». Доложив о развитии революционного движения во Вьетнаме под руководством КПИК за 5 лет по-

сле ее создания, Ле Хонг Фонг указал на основные достижения и недостатки в ее деятельности, отметив при этом «огромную заслугу коммунистов Индокитая в том, что был положен конец фракционным распрям, и достигнута внутривнутрипартийная солидарность. В ходе революционной борьбы партия установила тесные связи с борющимися массами, добились того, что пролетариат стал главной руководящей силой этой борьбы»¹².

Говоря о перспективах и важнейших задачах, стоящих перед КПИК, он заявил: «В настоящее время мы располагаем гораздо большими возможностями для создания антиимпериалистического народного фронта, единого фронта всех народов Индокитая в борьбе против общего врага — французских империалистов»¹³.

Минь Кхай (в документах конгресса значилась под именем Фан Лан) как самой юной и одной из немногих азиатских делегатов президиум конгресса предоставил честь выступить с речью от имени женщин Востока. Впоследствии она вспоминала, что одним из самых волнующих событий стала для нее встреча и беседа с Н.К. Крупской.

Решения и выводы VII Конгресса Коминтерна, как показали дальнейшие события, имели весьма важное значение для развития вьетнамского национально-освободительного движения. Как известно, на нем были сформулированы задачи коммунистического и рабочего движения перед лицом надвигающейся фашистской опасности. Хотя эти задачи касались, в первую очередь, европейских партий, выводы конгресса об угрозе фашизма помогли вьетнамским революционерам впоследствии определить и последовательно претворять в жизнь правильную линию в отношении японского милитаризма, который уже в те годы, расширяя экспансию все дальше на юг Китая, становился опасным потенциальным противником вьетнамской революции.

Для вьетнамских коммунистов важно также было то, что VII Конгресс отверг сформулированные в прежних документах Коминтерна левацкие установки о необходимости осуществления в колониальных и зависимых странах «рабоче-крестьянской революции», создания «советского правительства», которые были преждевременными для большинства стран и означали недооценку общенациональных антиимпериалистических задач. Необходимо было добиваться создания единого народного фронта, с одной стороны, вовлекая широчайшие массы в борьбу против растущей империалистической эксплуатации, против жестокого порабощения, за изгнание империалистов, за независимость страны, с другой — активно участвуя в возглавляемых национал-революционерами и национал-реформистами массовых антиимпериалистических движениях.

Во Вьетнаме не было ни возглавляемых националистическими элементами массовых движений, ни сколько-нибудь серьезной силы в лице национальной буржуазии. Существовавшие отдельные буржуазные и мелкобуржуазные партии, крайне слабые в политическом и организационном отношении, не были в состоянии выдвинуть политическую программу общенационального содержания и повести за собой широкие народные массы. Перед вьетнамскими коммунистами в силу этого не стоял вопрос, обычно связанный с мучительным процессом дискуссий и споров в партии, — участвовать или не участвовать в том или ином движении. Перед ними лежала, образно говоря, нетронутая целина, которую можно и нужно вспахать, а именно: выдвинуть общенациональные, общедемократические лозунги, найти приемлемую форму единого фронта и смело вовлекать в него самые широкие круги населения страны, всех, кто готов выступить против колонизаторов, в том числе и национальную буржуазию, которая в подавляющей своей части, так же как и вся нация, страдает от империалистического гнета¹⁴.

Для вьетнамских патриотов положения VII Конгресса Коминтерна о тактике единого фронта в колониальных и полуколониальных странах стали мощным руководством к действию. Именно тактика единого национального фронта, проводимая гибко и творчески с учетом степени зрелости национально-освободительного движения и конкретных задач, стоящих перед ним, стала одним из решающих факторов победы вьетнамского народа в августе 1945 г.

Участники VII Конгресса утвердили решение ИККИ, принятое еще в 1931 г., о приеме Компартии Индокитая в ряды Коминтерна. Представитель КПИК Ле Хонг Фонг был избран кандидатом в члены ИККИ. Отныне набравшее силу коммунистическое движение Индокитая было представлено в руководящем органе международной организации коммунистов.

После завершения работы VII Конгресса в Исполкоме Коминтерна довольно долго решали вопрос, каким путем наиболее безопасно вернуть членов делегации КПИК на родину. Поэтому первый месяц они отдыхали в одном из санаториев на берегу Черного моря, а затем, вернувшись в Москву, посещали курсы политучебы в Университете трудящихся Востока, где Ле Хонг Фонгу все было знакомо.

В этот период он написал для журнала «Инпрекорр», органа Коминтерна статью «Роль пролетариата в революции в Индокитае», в которой разъяснял, что «буржуазно-демократическая революция в Индокитае (антиимпериалистическая и антифеодалная) не только является неразрывной частью мировой социалистической революции, но победа этой революции, благодаря имеющимся объективным условиям, будет означать первый этап на пути перехода ее в революцию социалистическую» и отсюда делал логический вывод: «необходимое условие — пролетариат должен сохранять роль гегемона, руководителя этой революции»¹⁵.

В середине 1936 г. пути Ле Хонг Фонга и его боевой подруги временно разошлись. Ле Хонг Фонг отправился испытанным маршрутом во Вьетнам, чтобы как можно скорее информировать центральные органы КПИК о решениях Конгресса. А Минь Кхай вместе с Нонем отправились на родину через Европу: Германия, Франция, Италия, из Неаполя пароходом в Сингапур, оттуда — в Гонконг, и уже из Гонконга — в Сайгон. В Париже они стали свидетелями первых зримых завоеваний Народного фронта, массового ликования простых парижан. В такой обстановке два вьетнамских подпольщика, естественно, смогли легко избежать должного внимания со стороны французской полиции.

В июле 1936 г. в Шанхае появился одетый с иголки богатый китайский коммерсант. Он разъезжал по городу в собственной роскошной машине. Его коммерческое дело процветало. Он постоянно с кем-то встречался, вел секретные торги. Даже если бы шанхайская полиция узнала, что преуспевающий коммерсант не кто иной, как Ле Хонг Фонг — один из руководителей компартии Индокитая, единственное, что она смогла бы сделать, — это выслать его из страны. У вьетнамского подпольщика не было при себе ни одного документа, который мог бы быть уликой. Все основные материалы VII Конгресса Коминтерна он выучил наизусть.

В ноябре 1937 г. Ле Хонг Фонг наконец добрался до Сайгона и с головой ушел в повседневную революционную работу. Великолепный конспиратор, он постоянно менял свое лицо. То он работает учителем китайского языка в одной из школ Тёлона (пригорода Сайгона), то агентом торговой фирмы, то слесарем в мастерской (он специально изучал в Москве слесарное дело и имел по нему четвертый разряд). Сайгонская полиция сбилась с ног в поисках неуловимого подпольщика.

В конце марта 1938 г. он созвал в пригороде Сайгона Зядинь пленум ЦК КПИК с целью внести изменения в политическую линию партии в соответствии с решениями У П конгресса Коминтерна. С учетом прихода к власти во Франции правительства Народного фронта пленум одобрил курс на создание национального антиимпериалистического фронта, который получил впоследствии название Демократический фронт Индокитая.

В резолюции пленума были выделены следующие задачи.

– Стратегические задачи народно-демократической революции — это борьба против империалистов и феодалов. Однако с учетом принципиально новой обстановки КПИК считает наиболее актуальными задачами борьбу против реакционного колониального режима, против фашизма и войны, за свободу и демократию, за существование и

мир. Сегодня главный враг народов Индокитая — это колониальная реакция и их местные приспешники.

– Относительно лозунгов борьбы: необходимо временно не выдвигать требования «Долой французских империалистов» и о «Конфискации земли у помещиков и передаче ее крестьянам», а выдвигать требования «Свободы и демократии, существования и мира».

– В организационном плане: проводить линию на создание Единого народного антиимпериалистического фронта Индокитая, который включал бы в себя различные классы, партии, национальности, политические, общественные и религиозные организации.

– О методах борьбы: сочетать открытые и тайные, легальные и нелегальные формы борьбы»¹⁶.

На очередном пленуме ЦК КПИК этот стратегический лозунг был поставлен на практические, конкретные рельсы. Пленум констатировал, что привычные методы организационной работы партии не успевают за бурным развитием демократического движения масс. Кроме того, требовали пересмотра некоторые левацкие, чрезмерно радикальные организационные формы. В этой связи ЦК принял решение создать Антиимпериалистический союз молодежи Индокитая вместо существовавшего ранее Союза коммунистической молодежи, Народное общество социальной помощи вместо Красного общества социальной помощи, Профсоюзы вместо Красных профсоюзов.

С учетом широкого характера Демократического движения было принято решение всемерно поощрять создание в деревнях обществ пахарей, жатвы, траурных и свадебных обрядов, любителей «тео» (народная музыкальная драма. — *Е.К.*), групп изучения вьетнамской национальной письменности «куокнгы». Ставилась задача способствовать созданию повсюду народных организаций экономического, культурного, общественного характера, поддерживать инициативы масс по созданию обществ «ай ху» — братств, обществ взаимопомощи, спортивных и музыкальных организаций, которые, используя легальные и полуполициальные формы работы, втягивали бы в демократическое движение простых людей, многие из которых в прежние времена были весьма далеки от политики.

За два года, проведенных в Сайгоне до ареста, Ле Хонг Фонг проделал огромную работу. По его рекомендациям пленум ЦК КПИК принял решение об изменении революционной тактики. Благодаря созданию широкого народного фронта, движение за национальное освобождение Вьетнама вступило в новый этап. Оно стало поистине массовым и достигло в последующие годы невиданного размаха. Вьетнамские историки расценивают июльский пленум ЦК 1936 г. как исключительно важное событие, положившее начало новой эпохе во вьетнамской революции. В этом — огромная заслуга Ле Хонг Фонга.

Его неутомимую деятельность на благо дела национального освобождения остановила рука предателя — 22 июня 1939 г. он был схвачен колониальной охранкой. Но полицейские, как и следовало ожидать, не нашли при подпольщике никаких доказательств его принадлежности к КПИК. Чтобы расправиться с «опасным преступником» на законных основаниях (это был период, когда у власти во Франции все еще находился Народный фронт, а в самом Индокитае набирали силу процессы некоторой демократизации политической жизни) нужны были веские и неопровержимые улики. И возможность найти их, казалось, представилась — вскоре в полицейскую ловушку угодила и Нгуен Тхи Минь Кхай.

Героические и трагические дни

Невыносимо тяжелой для обоих стала встреча в сайгонском центре Ле Хонг Фонга с его боевой подругой. Кажется, совсем недавно они, взявшись за руки, бродили

по Сокольникам, по набережной Москвы-реки, слушали на Красной площади мелодичный бой кремлевских курантов. И вот они стоят друг против друга, закованные в кандалы, посреди камеры для допросов тюрьмы Кхамлон. Их свидание называется очной ставкой. Охранке нужны улики против неуловимого конспиратора Ле Хонг Фонга. Дело оставалось за малым — арестованные должны были признать друг друга на очной ставке. Однако измученные пытками революционеры ни словом, ни взглядом не выдали, что знают друг друга.

Минь Кхай даже не могла сообщить своему мужу, что год назад у них родилась дочь. Сразу же после родов через свою знакомую она передала для него краткую записку: «Я родила девочку, мы обе здоровы», но не была уверена, что эта записка дошла до адресата. А Ле Хонг Фонг не знал и не мог спросить Минь Кхай, кого она родила и где находится ребенок.

В середине 1980-х гг. автору этих строк довелось встретиться в городе Хошимине (бывшем Сайгоне) с дочерью героев этого очерка, которую звали Хонг Минь. Это имя дала ей мама, сложив его из частей своего имени и имени отца. Но это было не простое «сложение»: Хонг Минь по-вьетнамски означает — Утренняя заря, или, если переходить на поэтический язык, — Аврора. А ведь Минь Кхай, как и большинство вьетнамских патриотов той поры, боготворила Великую Октябрьскую революцию в России, и хотела, чтобы ее первенец — дочь носила имя символа этой революции крейсера «Аврора».

— Я совсем не помню своих родителей, — вспоминала Хонг Минь. — Ведь я родилась в тюрьме и была с ними разлучена. Лишь когда подросла, узнала об их судьбе. Хотя в детстве мои родители жили совсем недалеко друг от друга в провинции Нгеан, по-настоящему познакомились только весной 1935 г. в поезде, который вез их из Владивостока в Москву. Путешествие было долгим, они успели переговорить, наверное, обо всем на свете и поняли, как близки друг другу. Молодые подпольщики пронесли свою любовь, вспыхнувшую под российским небом, через всю свою короткую, но славную жизнь.

Не сумев раздобыть улики против Ле Хонг Фонга, судебные власти Сайгона приняли решение выслать его на родину в провинцию Нгеан под домашний арест. Однако в ноябре 1940 г. в Кохинхине произошли события, которые резко изменили судьбу и самого Ле Хонг Фонга и находившейся в тюрьме Минь Кхай.

К концу 1940 г. ситуация во Вьетнаме развивалась таким образом, что в Кохинхине (Южный Вьетнам) сложились наиболее благоприятные условия для активной деятельности КПИК. Там не было еще японских войск, тогда как они уже были введены в Тонкин (Северный Вьетнам). Параллельно с этим японская агентура спровоцировала сиамских милитаристов (Таиланд) на вооруженные вылазки против Французского Индокитая вдоль границ Лаоса и Камбоджи. Стремясь остановить сиамское наступление, французские колонизаторы провели широкую мобилизацию среди населения Камбоджи и Кохинхины, используя аборигенов как пушечное мясо. Это вызвало широкое возмущение среди населения Кохинхины, большое число вьетнамских солдат французских колониальных войск вышли из повиновения и начали дезертировать.

В создавшихся условиях члены Комитета КПИК Кохинхины сочли военно-политический момент крайне благоприятным для революционных действий и, хотя и после длительных дискуссий, приняли судьбоносное решение о начале вооруженного восстания в масштабах всей Кохинхины (оно было намечено на 22 ноября 1940 г.) и направили члена Комитета Фан Данг Лыу в Тонкин, чтобы информировать об этом ЦК КПИК и получить его одобрение.

Однако VII пленум ЦК КПИК, состоявшийся 6–9 ноября 1940 г. в северной части Вьетнама в провинции Бакнинь посчитал условия как на Юге, так и в целом в стране, еще недостаточно благоприятными для развертывания именно в данный момент массового вооруженного выступления, поэтому не одобрил решение партийной орга-

низации Кохинхины о переходе к восстанию, считая его несвоевременным и не отвечающим объективной обстановке в стране. Пленум ориентировал партию на сохранение и укрепление сил революции, создание и расширение партизанских баз, на подготовку к восстанию в масштабах всей страны.

Однако решение пленума не дошло до руководства партийной организации Кохинхины. Фан Данг Лыу сумел прибыть в Сайгон только 22 ноября, то есть в день начала восстания. И, наконец, самое непредвиденное — французской охранке каким-то образом незадолго до восстания удалось завладеть документами, где указывались сроки начала и масштабы восстания. В результате власти успели мобилизовать оставшиеся надежными войска, разоружили революционно настроенных вьетнамских солдат и заперли их в казармах, ввели в основных городах дельты Меконга комендантский час и провели массовые аресты среди руководителей будущего восстания.

Несмотря на это, «восстание Намки» (Намки по-вьетнамски Кохинхина. — *Е.К.*) все-таки началось в запланированные сроки — в ночь на 23 ноября 1940 г. Партийные ячейки и комитеты Кохинхины на местах действовали оперативно и быстро. Было создано высшее военное командование, а также многочисленные отряды самообороны — основная ударная сила восстания.

Восстание быстро охватило провинции Зядинь, Бьенхоа, Митхо, Кантхо, а также главный город юга страны — Сайгон, затем быстро распространилось на западные провинции Кохинхины, вплоть до Ратьзя и Баклиеу. В самом начале восстания его участники уничтожили множество укрепленных постов врага и разрушили его коммуникации. В провинциях Митхо, Зядинь, Бакльеу были созданы органы народной власти и революционные суды и проведены некоторые демократические реформы. В ряде мест революционные власти конфисковали землю и рис, раздавая их безземельным и малоземельным крестьянам.

Примечательно, что именно в разгар этого восстания в ряде районов провинций Митхо и Виньлонг впервые в руках повстанцев появился красный флаг с желтой звездой, который стал впоследствии государственным флагом Демократической Республики Вьетнам, а ныне — Социалистической Республики Вьетнам.

Но охваченные восстанием революционные районы продержались недолго. И хотя восставшие добились крупных успехов — в некоторых районах органы народной власти просуществовали почти два месяца, — восстание было подавлено, причем с жестокостью, превосходившей даже самые страшные дни террора 1930–1931 гг. На подавление восстания были брошены не только полицейские силы, но и регулярные войска с применением авиации. Войска окружили Тростниковую долину — болотистый район в дельте Меконга, где укрывались восставшие. В течение 40 дней в четырех провинциях — Зядинь, Митхо, Лонгсюен, Кантхо было схвачено и расстреляно около 6 тысяч повстанцев. Несколько деревень подверглись бомбежкам с воздуха и были полностью разрушены. Немало местных организаций КПИК было разгромлено; еще накануне восстания на основе захваченных охранкой документов были арестованы и приговорены к смертной казни видные представители КПИК, в их числе секретарь сайгонского комитета КПИК Нгуен Тхи Минь Кхай.

В этих условиях Верховный суд Франции пересмотрел «дело» Ле Хонг Фонга, привязав его к «восстанию Намки». В конце 1940 г., после нескольких месяцев заключения в сайгонской тюрьме, его этапировали на остров смерти Пуло-Кондор (сегодня — остров Кондао).

Французы захватили остров Кондао, расположенный в 97 морских милях к югу от курортного города Вунгтау, в 1862 г. и почти сразу стали обустроить его как огромную тюрьму для политических заключенных — наиболее видных участников национально-освободительного движения. При французах лагерь делился на четыре "Bagne" — каторжных участка. В ходе американской агрессии число этих каторжных участков было

доведено до восьми. В первые 50 лет существования концлагеря число заключенных варьировалось в районе 1 тыс. человек. Однако по мере нарастания революционного движения и, особенно, после «восстания Намки», оно стало быстро увеличиваться и к 15 января 1943 г., согласно докладу властей концлагеря, достигло 4403 человека¹⁷.

Хотя все участники «восстания Намки» были размещены в *Bagne III* и *Bagne II*, Ле Хонг Фонг решили изолировать от них, определив в «тигровую клетку» в километре от основной базы лагеря. Но там уже давно действовала подпольная партийная организация, которая вскоре установила с ним регулярную связь. Секретарем партийчейки был избран Нгуен Зуй Чинь, а ее членами были Тон Дык Тханг, Фам Хунг, Ле Ван Лыонг и др.¹⁸ Ле Хонг Фонг устно передавал им основные положения решений VII Конгресса Коминтерна, особенно касающиеся вопросов создания единого антиимпериалистического фронта и борьбы против мирового фашизма и войны.

Это был период наивысшего ужесточения тюремного режима на Кондао. «Восстание Намки» потрясло до основания колониальный режим во Вьетнаме. Колонизаторы, с одной стороны, развернули в отместку массовые репрессии, с другой — в их действиях сквозил страх перед революционной стихией. Тюремщики боялись даже закованных в кандалы революционеров и жестоко издевались над ними. Однажды во время принятия пищи один из тюремщиков ударил Ле Хонг Фонга по голове так, что его миска окрасилась кровью. «Красный ветер» спокойно продолжал есть и только сказал своим сотоварищам: «Наши враги хотят нашей смерти, мы же должны драться за жизнь, чтобы продолжать служить делу революции»¹⁹.

Вскоре его перевели в один из барачков «*Bagne — 2*». Соседями его по барачку стали несколько весьма колоритных фигур — Нгуен Ан Нинь, Та Тху Тхау и Хюинь Ван Тхао²⁰.

Между двумя последними шли постоянные споры философско-религиозного характера. Иногда эти споры принимали такой яростный характер, что Ле Хонг Фонгу приходилось вмешиваться и примирять спорщиков. Он спокойно разъяснял им, что такое диалектический материализм, раскрывал положения марксизма о религии, классах и классовой борьбе, о решающей роли человека в конкретных исторических условиях. И в этой связи напоминал им о том, что перед вьетнамскими патриотами стоит сегодня одна общая задача — борьба за национальное освобождение, а задача узников Кондао — крепить солидарность, чтобы плечом к плечу бороться против репрессивного режима колониального концлагеря.

Когда германские фашисты напали на Советский Союз, узники Кондао, даже те, кто содержался в «тигровых клетках», все-таки находили возможность следить за ходом Великой Отечественной войны советского народа. В дни, когда с советского фронта приходили безрадостные вести, Ле Хонг Фонг рассказывал своим товарищам о величии России, о том, каких успехов добился советский народ в строительстве социализма, и убеждал их, что никогда фашистам не победить такой народ. Он сочинил восьмистишие, в котором нарисовал картину победы советского народа и скорого освобождения Вьетнама и выразил уверенность, что в свободном Вьетнаме остров Кондао станет природной жемчужиной и местом отдыха вьетнамских трудящихся. Он даже разучил с несколькими своими друзьями — соседями по барачку песню «Русская девушка», которую он сочинил сам в далекие 1920-е гг., когда учился в России.

Годы заключения на острове Ле Хонг Фонг жил с незаживающей раной в сердце: он ничего не знал о судьбе своей Минь Кхай. Летом 1942 г. он случайно познакомился с охранником — индусом, недавно прибывшим на остров с Большой земли, и спросил его, не знает ли тот, что случилось с женщиной по имени Минь Кхай, которая содержалась в одиночке центральной сайгонской тюрьмы Кхамлон, и услышал от него трагическую весть:

— Великая госпожа Минь Кхай давно расстреляна. Я называю ее великой, потому что так оно и есть — горы должны рухнуть перед ее памятью, деревья должны склонить свои ветви, приветствуя ее мужество²¹.

И индус рассказал, что день 28 августа 1941 г., когда ее расстреляли, стоит у него перед глазами, словно это было вчера. Перед расстрелом Минь Кхай надела белое платье, чтобы подчеркнуть, что все ее помыслы, все ее стремления всегда были чисты, она всю свою жизнь боролась против зла и угнетения, за свободу и счастье своего народа. Палачи пытались перед казнью завязать ей глаза, но она сбросила с лица черную повязку, громко крикнув:

— Я не боюсь смерти и встречу ее с открытыми глазами!

Идя на эшафот, она призывала заключенных не поддаваться врагу, бороться за свое освобождение. В отместку конвоиры кололи ее штыками, и по ее белой одежде текла кровь. Она попросила у палачей дать ей время, чтобы обратиться к людям, стоявшим вокруг стен тюрьмы. Ей дали всего пять минут. Она говорила вначале на вьетнамском, а затем на французском, обращаясь к французским солдатам:

— Наше дело правое. Мы хотим видеть Родину независимой, а народ счастливым. Мы не совершали никакого преступления.

Когда прозвучала команда офицера приготовиться, и солдаты направили на нее дула винтовок, она успела громко воскликнуть:

— Да здравствует Компартия Индокитая! Да здравствует победа вьетнамской революции!

На стене камеры, в которой содержалась Нгуен Тхи Минь Кхай, нашли потом надпись: «О себе не беспокоюсь. Все мои помыслы — о спасении партии»²².

Генеральный секретарь ЦК КПВ Ле Зуан дал однажды такую характеристику Минь Кхай: «Я встречался и вместе работал с большим числом женщин — членов партии, но никогда не видел, чтобы кто-то из них осознанно стремился взвалить на свои плечи роль революционного руководителя, как товарищ Минь Кхай»²³.

Ненадолго пережил Ле Хонг Фонг свою боевую подругу. В начале 1940-х годов, по неполным данным колониальной статистики, в результате жестокого тюремного режима и от болезней — узников Кондао буквально косили дизентерия и скоротечная чахотка — скончалось около 3 тыс. революционеров, в их числе — Ле Хонг Фонг и Нгуен Ан Нинь.

Ле Хонг Фонга смерть настигла 6 сентября 1942 г. Последними его словами, обращенными к соседям по барaku, были: «Товарищи, передайте Партии, что Ле Хонг Фонг до последнего вздоха всем сердцем верил в славную победу нашей революции»²⁴.

Пророческими оказались предсмертные слова Красного ветра. Всего через три года во Вьетнаме победила Августовская революция и его родина стала независимой и свободной. Сразу же после освобождения Кондао все политзаключенные собрались у могилы Ле Хонг Фонга и возвели временный памятник из кирпичей, которые производились ими же на острове. 17 сентября 1945 г. на остров прибыла делегация Правительства сопротивления района Намбо (Южного Вьетнама. — *Е.К.*), чтобы приветствовать оставшихся в живых политзаключенных. Члены делегации возложили траурные венки на могилы Ле Хонг Фонга и Нгуен Ан Ниня.

В годы войны Сопротивления против французских колонизаторов (1946–1954), так же как и в период американской агрессии, враги не раз разрушали скромный памятник над могилой Ле Хонг Фонга, чтобы стереть о нем память у вьетнамского народа. Но каждый раз узники Кондао тайком восстанавливали его. После полного освобождения Южного Вьетнама 30 апреля 1975 г. и воссоединения страны по решению правительства СРВ на его могиле был воздвигнут величественный памятник, достойный неопределенного вклада этого стойкого борца в конечную победу вьетнамского национально-освободительного движения.

А совсем недавно сбылось и другое предвидение Ле Хонг Фонга: остров Кондао объявлен правительством СРВ курортной зоной, куда уже приезжают на отдых тысячи вьетнамских и зарубежных туристов, в том числе и из далекой России, которую он так любил.

1. Фан Бой Тяу (1867–1940) — выдающийся деятель вьетнамского национально-освободительного движения, сторонник вооруженной борьбы за освобождение Вьетнама от колониальной зависимости, основатель патриотической организации «Общество возрождения Вьетнама»
2. Le Hong Phong, Chien si cong san quoc te kien cuong, Nha lanh dao xuat sac cua Dang ta [Ле Хонг Фонг, Несгибаемый боец интернационала коммунистов. Выдающийся руководитель нашей партии]. Ha Noi, 2012. Tr. 6.
3. См.: «Вьетнамская тетрадь» (Архив Коминтерна).
4. Там же.
5. *Quinn-Judge S.* Ho Chi Minh. The Missing Years, 1919–1941. London, 2003. P. 125.
6. *Le Hong Phong.* Op. cit. Tr. 413.
7. На первом пленуме ЦК партии в октябре 1930 г. она была переименована в Коммунистическую партию Индокитая (КПИК). Это было сделано по рекомендации Исполкома Коминтерна, который исходил из того, что французский Индокитай представлял собой тогда и политически, и географически единое целое, и перед народами Вьетнама, Лаоса и Камбоджи стояли одинаковые цели борьбы против колонизаторов, за национальное освобождение.
8. *Hồ Chí Minh.* Toàn tập. Hà Nội, 1996. T. 10. Tr. 9.
9. Чан Ван Зяу (1911— 2010) — видный деятель вьетнамского национально-освободительного движения. В 1930–1932 гг.— слушатель КУТВа. Один из руководителей КПИК в Кохинхине. Активный участник Августовской революции 1945 г. в Сайгоне. В ДРВ стал крупным историком, автором фундаментальных исследований по истории вьетнамского рабочего и коммунистического движения.
10. *Le Hong Phong.* Op. cit. Tr. 414–415.
11. *Nguyet Tu.* Chi Minh Khai. Truyen ki. Gia Lai, 2013. Tr. 55.
12. *Dang cong san Viet Nam: van kien Dang.* Toan tap. Ha Noi, 2000. T. 5. Tr. 320, 324.
13. Ibid.
14. См.: Резолюции VII Всемирного Конгресса Коммунистического Интернационала. М., 1935.
15. *Dang cong san Viet Nam: van kien Dang.* Toan tap. T. 5. Tr. 377.
16. *Dai cuong Lich su Viet Nam.* Ha Noi, 2010. Tap 2. Tr. 327–328.
17. *Nguyen Dinh Thong.* Con Dao tu goc nhìn lịch sử [Кондао под историческим углом зрения], Th. pho Ho Chi Minh, 2012. Tr. 11.
18. Нгуен Зуй Чинь — министр иностранных дел Демократической Республики Вьетнам в 1970-х гг.; Тон Дык Тханг — при жизни Хо Ши Мина — вице-президент, а после его кончины — Президент ДРВ; Фам Хунг — член Политбюро ЦК ПТВ (впоследствии — КПВ) в 1960–1970 гг.
19. *Nguyen Dinh Thong.* Con Dao tu goc nhìn lịch sử. Tr. 169.
20. Нгуен Ан Нинь — видный патриот-националист, основатель двух самых влиятельных оппозиционных колониальному режиму газет “La cloche fele” и “La lutte”; Та Тху Тхау — видный революционер, руководитель троцкистской фракции в коммунистическом движении Вьетнама; Хюинь Ван Тхао — один из политических лидеров влиятельной в Кохинхине религиозной секты Каодай.
21. *Nguyet Tu.* Chi Minh Khai... Tr. 171.
22. Ibid. Tr. 172.
23. Ibid. Tr. 6.
24. *Nguyen Dinh Thong.* Con Dao tu goc nhìn lịch sử. Tr. 172.